

РАСКОЛ ЗА ФАСАДОМ ЕДИНСТВА

Серия **The Russian Crisis. Paper #4**

Григорий Юдин
Февраль 2023

Хотя правительство Российской Федерации стремится создать видимость народного единства, среди россиян царит фундаментальная разобщенность, усугубляемая крайним неравенством и растущей поляризацией общества.

Война усугубляет территориальное неравенство в России, причем беднейшие регионы в большей степени страдают от мобилизации и испытывают нехватку ресурсов.

Давление, вызванное ведением войны, ограничивает возможности правительства скрывать и усмирять проявления неравенства, что создает возможность требовать большей справедливости внутри страны.

СОДЕРЖАНИЕ

Раскол за фасадом единства

Григорий Юдин	3
Дело молодых?	3
Контурсы классового конфликта	5
Москва — не Россия	6
Хрупкая империя	7
Почему все еще не рвануло?	9
Выводы	9
 Об авторе	 11

РАСКОЛ ЗА ФАСАДОМ ЕДИНСТВА

Григорий Юдин

Февраль 2023

Мобилизация, объявленная президентом России Владимиром Путиным в сентябре 2022 года, обнажила ряд разногласий в российском обществе. Хотя многие наблюдатели говорят о единстве и сплоченности россиян, последствия мобилизации указывают на глубинные противоречия, которые скрыто присутствуют в обществе уже давно. Теперь, когда ресурсов, необходимых российскому правительству для предотвращения конфликтов и смягчения недовольства, становится все меньше, противоречия российского общества все больше обнажаются и, вероятно, именно они будут определять динамику развития страны в ближайшие месяцы и годы.

В этой статье будут рассмотрены ключевые аспекты поляризации и неравенства в России, свидетельствующие о фундаментальной разобщенности российского населения. Существующие и усугубляющиеся разногласия, вероятно, приведут к появлению новых политических субъектов, а также обусловят повестку их политического курса. Понимание России как сложного, разобщенного общества, охваченного конфликтами, поможет избежать нереалистичных ожиданий относительно развития страны. Многие комментаторы считают Россию военного времени единым геополитическим субъектом с четко определенными интересами, полагая, что за фасадом политического режима существует реальное общественное единство, которое обеспечит устойчивость России в войне на истощение и обречет страну на продолжение конфликтной политической траектории даже после смены власти. Более подробный анализ позволит спрогнозировать, какие ключевые группы и интересы будут управлять страной, и какими могут быть стратегии этих групп.

Сначала в статье будет проанализировано наиболее заметное противоречие — разрыв между поколениями. Затем будут описаны ключевые аспекты неравенства в России, а именно: экономический, территориальный и этнический. В заключение будут рассмотрены вероятные сценарии развития этих противоречий и выделены группы, способные стать агентами потенциальных изменений.

ДЕЛО МОЛОДЫХ?

Возраст стал фактором расслоения в российском обществе около пяти лет назад — уже во время президентских выборов 2018 года впервые стало очевидно, что Владимир Путин пользуется значительно большей популярностью среди избирателей старшего возраста. С тех пор межпоколенческий разрыв сохраняется: во время местных выборов 2019 года, конституционного плебисцита 2020 года и парламентских выборов 2021 года молодежь проявляла все большее недовольство президентом и его партией, а пожилые люди высказывали все большую лояльность им. Люди среднего возраста оказались между двумя полюсами: в относительно спокойные периоды они приближаются к молодежи, под давлением — присоединяются к пожилым людям.

Эти тенденции можно проиллюстрировать данными опросов. Необходимо сделать методологические оговорки: достоверность опросных данных в России крайне низка по целому ряду причин, и нецелесообразно рассматривать эти цифры как показатель уровня «поддержки» определенных политиков или политических курсов¹. Более достоверную информацию можно получить, исследуя межгрупповые различия и динамику показателей. На рис. 1 показано, что из года в год респонденты из разных поколений постоянно демонстрируют расхождения в ответах на вопросы об основных электоральных событиях.

В 2022 году те же закономерности наблюдаются по результатам опросов об отношении к войне или «специальной военной операции», как ее называют российские полстеры. В октябре 2022 года 54% респондентов в возрасте 18-26 лет сообщили, что отменили бы решение начать вторжение, если бы у них была такая возможность, в то время как среди респондентов в возрасте 60 лет и старше

¹ Некоторые из причин: высокий процент отказывающихся отвечать, восприятие опрашиваемых как представителей государства и, что важнее всего, спонтанное истолкование самого опроса как института аккламации. См. Greg Yudin. Do Russians Support Putin? *Journal of Democracy*. 2022. 33 (3): 31-37.

Рисунок 1.

Данные опросов об основных электоральных событиях 2018–2021 годов с разделением на возрастные группы.

Возрастная группа	Президентские выборы 2018 года		Протесты в Москве в 2019 году	Конституционный плебисцит 2020 года		Парламентские выборы 2021 года
	Явка	Проголосовавшие за Путина		Явка	Проголосовавшие за поправки в Конституцию	
1	55	37	58	52	33	33
2	68	42	47	53	44	36
3	82	60	43	62	55	34
4	88	71	31	72	77	41

Источники: Фонд «Общественное мнение» – 2018 год; Левада-Центр – 2019–2021 годы. Данные по 2019 году получены на московской выборке, в остальных случаях – на общероссийской выборке. Во всех случаях респонденты опрашивались после голосования.

Примечание: В данных Фонда «Общественное мнение» возрастная группа 1 - 18–30 лет, возрастная группа 2 - 31–45 лет, возрастная группа 3 - 46–60 лет, возрастная группа 4 - 60+ лет. В данных Левада-Центра возрастная группа 1 - 18–24 года, возрастная группа 2 - 25–39 лет, возрастная группа 3 - 40–54 года, возрастная группа 4 - 55+ лет.

лишь 23% ответили таким образом². В возрастной группе 27-34 года процент недовольных также немало выше: 44% тех, кто изменил бы решение, и 39% тех, кто ничего менять бы не стал. Хотя эти цифры не следует рассматривать как показатель поддержки войны или несогласия с ней, важно, что опрошенные из разных возрастных групп расходятся в своих ответах.

Эти расхождения в возрастных группах следует интерпретировать с учетом очевидного факта: в окопы в первую очередь идут молодые. Строчка из известной песни позднесоветской группы «Кино» справедливо гласит: «Война — дело молодых, лекарство против морщин». Согласно тому же опросу, 78% лиц старше 60 лет поддерживают мобилизацию, в то время как только 39% молодежи (18-26 лет) согласны с ними. Это означает, что во многих семьях деды хотят отправить внуков воевать, а последние не испытывают никакого энтузиазма.

Эти расхождения свидетельствуют как о политических, так и о культурных конфликтах российских поколений. У власти — старшее поколение: средний возраст постоянных членов Совета Безопасности, самого влиятельного конституционного органа в Российской Федерации, составляет 65 лет, причем две трети членов старше 67 лет.

Молодое поколение и люди среднего возраста почти не представлены в политике и отстранены от управления страной. Курс определяется в одностороннем порядке теми, кто вырос и построил карьеру до распада Советского Союза.

Одним из последствий этой ситуации является технологический разрыв: старшее поколение практически не владеет новыми информационными и коммуникационными технологиями, начиная с самого президента, который, как известно, отказывается пользоваться Интернетом. Это приводит к значительным различиям в потреблении информации: старшие поколения получают информацию из одного источника, доверяя только контролируемому государством телевидению, молодые же группы более всеядны и используют различные источники информации, поэтому их взгляды более разнообразны. Поддержку политики Путина пожилыми людьми часто объясняют их зависимостью от телевизионной пропаганды, однако верно и то, что неприятие новых ИКТ вызвано страхом перед новым миром и его неопределенностью, заставляющим старшие поколения мечтать о возвращении в более безопасную и знакомую советскую среду, где Украина и Россия были одной страной.

Что еще важнее, из-за крайне ограниченного использования коммуникационных технологий старшее поколение почти не знакомо с глобализацией. В то время как молодежь встроена в глобальные культурные потоки, пожилые люди продолжают жить в мире, где за пределами их страны (или даже региона) царит полная неопределенность. Только 25% россиян сообщают, что у них есть загранпаспорт³, а две трети старшего поколения никогда не выезжали за пределы бывшего СССР⁴. Хотя разные поколения часто живут в разных мирах, пропасть между этими вселенными в случае России поразительна.

Демографически неизбежен рост доли людей с совершенно иными культурными привычками и опытом, который создаст дополнительное давление на старшие поколения, удерживающие власть. Даже если сработает теория о том, что с возрастом люди начинают придерживаться более консервативных взглядов, различия в социализации неизбежно сыграют свою роль. Многие

2 Телефонный опрос 1610 россиян, проведенный группой «Russian Field» в период с 29 сентября по 1 октября 2022 года. URL: <<https://e1.pcloud.link/publink/show?code=XZsws8ZxVUq-H3UG5LVbVrWiliJ0minNj1V>>

3 Левада-Центр, сентябрь 2022 года. URL: <<https://www.levada.ru/2022/09/08/poezdki-za-granitsu-4/>>

4 Левада-Центр, апрель 2016 года. URL: <<https://www.levada.ru/wp-content/uploads/2016/04/Poezdki.pdf>>

российские семьи сталкиваются со сложнейшими культурными конфликтами: пожилые люди и молодежь не находят общего языка в быстро меняющихся реалиях. Под влиянием мобилизации эти конфликты неизбежно приобретут явное политическое измерение, и поколение молодежи, а также люди среднего возраста предъявят свои претензии на власть.

Российское правительство хорошо понимает эти риски. Его отчужденность от молодежи приводит к трудностям с мобилизацией, а также к росту протестного потенциала внутри страны. Недавние инициативы по радикальной переориентации российской системы образования в сторону военной и идеологической подготовки следует рассматривать именно в этом контексте. Чистки университетов и школ от нелояльных студентов и преподавателей, введение новых предметов («Разговоры о важном» в школах и «Основы российской государственности» в бакалавриате), возрождение «начальной военной подготовки» в старших классах, радикальная милитаризация школьной жизни («Уроки мужества» в начальных школах и детских садах с демонстрацией оружия, а также встречи с ветеранами войны в Украине) — все эти меры равносильны полному подавлению российского образования и призваны восстановить контроль над умами молодежи.

КОНТУРЫ КЛАССОВОГО КОНФЛИКТА

Часто забывают, что по уровню неравенства Россия занимает одно из первых мест в мире, наравне с США (а по некоторым данным, опережает их — см. рис. 2). 1% самых богатых граждан контролирует практически половину колоссальных богатств страны, поэтому в России проблемы неравенства неизбежны. Россия занимает пятое место в мировом рейтинге по количеству миллиардеров: российское гражданство имеют 78 миллиардеров, что на 34 меньше, чем до войны⁵. Правящая элита страны до сих пор была в состоянии сдерживать недовольство несправедливой системой. Однако высочайший уровень неравенства с большой вероятностью приведет к социальным и политическим конфликтам, а инструменты для их сдерживания могут оказаться недоступны.

⁵ Мировой рейтинг миллиардеров Forbes (<https://www.forbes.com/billionaires>).

Рисунок 2.

Неравенство доходов и имущественного положения в России, США, Германии и Украине в 2021 году

	Доля доходов, которая приходится на верхние 10%	Доля богатства, которая приходится на верхние 10%	Доля доходов, которая приходится на верхний 1%	Доля богатства, которая приходится на верхний 1%
Россия	47%	74%	21%	48%
США	46%	71%	19%	35%
Германия	37%	59%	13%	29%
Украина	33%	60%	9%	28%

Источник: Всемирная база данных о неравенстве

В данных опросов об отношении к войне постоянно проявляется следующая закономерность: бедные настроены более скептически, чем богатые. Согласно опросу, проведенному агентством Russian Field после начала мобилизации, личное благосостояние коррелирует с отношением к войне⁶. На основании стандартного метода оценки достатка исследователи делят респондентов на несколько групп. Наименее обеспеченными считаются те, кто сообщает, что испытывает трудности с покупкой основных продуктов питания, и в этой группе 44% опрошенных отменили бы решение начать вторжение, если бы у них была машина времени. Следующая группа состоит из тех, кто может себе позволить базовые продукты, но испытывает трудности с покупкой одежды, и 39% респондентов в этой группе изменили бы решение о вторжении. Цель этого опроса — оценить отношение к войне, не спрашивая напрямую о поддержке президента (это слишком политически сложная тема), и его результаты показывают, что с ведением войны склонны соглашаться более богатые группы населения. В группе респондентов с самым высоким достатком (утверждающих, что могут позволить себе все виды товаров длительного пользования, не прибегая к потребительским кредитам) только 26% отменили бы судьбоносное решение о вторжении.

Российское общество устроено так, что в достатке живут в первую очередь представители силовых структур (за исключением некоторых рядовых должностей), чиновники высшего и среднего звена, а также тонкая прослойка «белых воротничков» российских и международных

⁶ Телефонный опрос 1610 россиян, проведенный группой «Russian Field» в период с 29 сентября по 1 октября 2022 года. URL: <https://e1.pcloud.link/publink/show?code=XZsww8ZxVUq-H3UG5LVbVrWiliJ0minNj1V>

корпораций. Поскольку представители элиты, как правило, отказываются участвовать в опросах, все вышеперечисленные группы представляют самый богатый класс, информацию о котором могут получить социологи. Проживающие в достатке либо напрямую зависят от государства (и поэтому намеренно проявляют лояльность), либо извлекают выгоду из текущих политико-экономических условий. Даже в разгар неудачной войны они питают надежды на то, что скоро их положение улучшится, в то время как бедные настроены все более пессимистично.

Это демонстрирует, что война не только отражает, но и усугубляет существующее неравенство. Богатые, как правило, защищены от самых неприятных последствий войны. Риск мобилизации для них минимален: отчасти из-за того, что они живут в Москве и Санкт-Петербурге (см. описание территориального неравенства ниже), отчасти же из-за того, что у них есть связи, достаточные для освобождения от службы. Кроме того, последствия инфляции они также ощутят с большой задержкой. Парадоксально, но подавляющее большинство из них даже не страдает от ограничений на путешествия: самые богатые обходят их с помощью второго и третьего гражданства, а сотрудникам спецслужб указом президента уже давно запрещено выезжать за границу.

Бедные же платят двойную цену. Совершенно очевидно, что призыв — как до начала мобилизации, так и после — в основном распространяется на тех, кто находится в более уязвимом положении, у кого меньше возможностей избежать военной службы, и кто отчаянно пытается улучшить свое социальное положение в ситуации, когда почти все пути вертикальной мобильности перекрыты. Армия не в состоянии снабдить новобранцев необходимым, и семьи, и без того испытывающие материальные трудности, вынуждены приобретать снаряжение и даже оружие для своих сыновей и мужей. Вполне предсказуемо, что бедные ощущают наиболее заметный удар по своему благосостоянию, ведь государство неохотно их поддерживает и не стремится к перераспределению богатств.

Разительное неравенство в благосостоянии, вероятно, перерастет в своего рода классовый конфликт, поскольку бремя войны продолжает неравномерно распределяться между классами. Элиты, похоже, не готовы идти на жертвы ради войны, а оказывать на них давление — слишком

большой риск для правящей верхушки. Россия остается очень редким примером страны с фиксированной ставкой подоходного налога даже в разгар войны, и никаких обсуждений об изменении налоговой системы не ведется⁷. Временно приостановив оживленную дискуссию о неравенстве в российском обществе, война, вероятно, со временем будет способствовать более ожесточенному противостоянию между теми, кто принадлежит к глобальной экономической элите, и теми, кто должен платить за военные авантюры первых.

МОСКВА — НЕ РОССИЯ

Наиболее заметный аспект российского неравенства — территориальный. Россия — чрезвычайно централизованная страна, где подавляющее большинство потоков проходит через Москву. По данным экономгеографа Натальи Зубаревич, на Москву, где проживает одна двенадцатая населения страны, в 2021 году приходилось 21% российского ВВП, более 35% средств на банковских счетах, 27% расходов консолидированного бюджета и 56% расходов консолидированного бюджета на городское развитие⁸. В 2021 году Москва наряду с газодобывающими регионами, а также несколькими другими была в числе 13 регионов-доноров из 85 российских субъектов. Ситуация усугубляется централизацией инфраструктуры: почти все дорожные сети, авиалинии и трубопроводы проходят через Москву.

Хотя формально Россия является федерацией, фактически это унитарное государство, региональные элиты которого полностью зависят от Москвы. Администрация президента выдвигает кандидатов на пост губернатора (которые должны утверждаться всенародным голосованием) и осуществляет надзор за выборами в региональные законодательные органы. Это обеспечивает полную лояльность губернаторов Кремлю, который намеренно не назначает на эти должности политиков, имеющих опасно сильные связи с регионами. Один из редких случаев народного протеста — избрание Сергея Фургала в 2018 году в Хабаровском крае, идущее вразрез с желаниями президента. Хотя сначала Фургал пытался избежать избрания, позже он стал уважаемым лидером с высочайшим рейтингом одобрения

⁷ В 2020 году к единой налоговой ставке в размере 13% были добавлены 2% для тех, кто зарабатывает более 1 млн рублей в год (16 280 евро).

⁸ URL: <<https://www.rosbalt.ru/moscow/2021/12/23/1937064.html>>

(выше рейтинга Путина), а в 2020 году был заключен в тюрьму по обвинению в убийстве. В ответ последовали многомесячные массовые протесты с участием почти половины населения региона, однако Кремль невозмутимо ограничился назначением внешнего губернатора – крайне непопулярного, зато абсолютно лояльного Путину.

Экономические преимущества центра, скрепленные политическим дисбалансом, порождают во всей стране заметную враждебность к Москве. В последние годы это проявилось в растущем интересе к локальной политике: во многих городах, включая Москву (которая, пожалуй, больше всего страдает от чрезмерной концентрации власти в Кремле), граждане, желая влиять на судьбу своих городов, успешно баллотировались в муниципальные советы на волне сопротивления местных жителей строительству или иным изменениям инфраструктуры. В ответ Кремль лишил муниципальные советы независимости (одна из конституционных поправок 2020 года), фактически превратив местные советы в органы централизованной системы управления. Эти меры, однако, только усилили раздражение населения из-за самодурства Москвы.

Мобилизация, вероятно, значительно усилит эти настроения. С самого начала вторжения российская армия и частные вооруженные формирования искали новобранцев в основном за пределами Москвы и других крупных городов. Эта тактика объясняется тремя причинами: во-первых, в бедных регионах, где права людей не соблюдаются, намного выше вероятность склонить население к военной службе; во-вторых, молодежь в Москве, Санкт-Петербурге и других крупных городах гораздо менее охотно идет на фронт; в-третьих, вооружать потенциальных оппозиционеров опасно. В первые месяцы войны среди москвичей не было ни одного погибшего, а в Санкт-Петербурге их было очень мало. Объявив мобилизацию, Путин признал пределы этой стратегии, но продолжил щадить Москву. В то время как во многих регионах призвано 10% взрослого мужского населения, в Москве эта цифра значительно меньше – 0,5%. В результате самый богатый город несет наименьшее бремя войны, что усугубляет уже существующее недовольство.

Столкнувшись с проблемой призыва, Кремль переложил ответственность за поиск новобранцев и обеспечение войск предметами первой необходимости на губернаторов. До мобили-

зации губернаторы отвечали за формирование добровольческих батальонов, а после нее взяли на себя оснащение мобилизованных и выплату компенсаций их семьям. Это напоминает решение 2020 года, когда Путин переложил на плечи губернаторов ответственность за борьбу с пандемией, а вместе с ней и ответственность за неизбежные показатели смертности. При этом дополнительных ресурсов регионы не получили.

Такой подход делает Путина менее уязвимым для общественного недовольства, но создает огромные проблемы для губернаторов. Чиновники вряд ли пойдут против воли Москвы (их ведь учили личной лояльности Путину), однако рискуют потерять контроль над своими регионами, если не будут сопротивляться требованиям центра. Теперь, когда армии набираются регионами и финансируются из региональных бюджетов, губернаторы перестают быть путинскими лакеями. Солдаты, недовольные условиями военной подготовки и безразличием своих командиров, из всех российских военных и гражданских чиновников чаще жалуются именно губернаторам. Таким образом, регионы берут на себя управление собственными армиями, что внезапно создает элемент крайнего федерализма в государстве, в остальном сохранившем унитарность.

Мэр Москвы Сергей Собянин также придерживается стратегии автономии: вместо того, чтобы готовить собственную армию, он пытается уклониться от требований Кремля, чтобы выглядеть защитником москвичей. С учетом общей территориальной асимметрии политика губернаторов, отклоняющихся от линии Москвы, может привести к значительным конфликтам. Центробежные тенденции могут усилиться, поскольку региональные элиты начнут задумываться о том, чтобы использовать свежесозданные военные подразделения для укрепления собственной независимости, а не для обслуживания авантюрных планов Москвы.

ХРУПКАЯ ИМПЕРИЯ

Региональные контрасты усугубляются имперскими структурами территориальной организации России. Хотя неравенство между регионами само по себе очень проблемно, некоторые регионы отличаются от всех остальных: в них проживают этнические меньшинства. Это так называемые «национальные республики», сохраняющие

особую идентичность. В стране, где 80% населения считают себя русскими, такие регионы имеют особое значение, поскольку повсеместное неравенство воспринимается здесь через этническую оптику.

После начала мобилизации в некоторых из этих регионов, таких как Дагестан и Чечня, прокатилась волна протестов. Значительное недовольство также проявили жители Бурятии. Радикальная интерпретация текущего призыва гласит, что Россия пополняет свою армию преимущественно нерусскими этническими группами. Однако этнический состав войск вряд ли является определяющим фактором призыва: бремя, ложащееся на национальные республики и меньшинства, по сути своей является следствием этнически окрашенного экономического неравенства. Многие из этих республик входят в число беднейших регионов России: так, Ингушетия, Тува, Карачаево-Черкесия возглавляют рейтинг наименее обеспеченных регионов России. В других субъектах, таких как Башкортостан или Бурятия, наблюдается внутреннее расслоение: нерусское население, как правило, намного беднее, живет в сельской местности и не имеет доступа к социальным лифтам. Они становятся естественными мишенями для мобилизации.

Приведенные аргументы не оспаривают наличие этнической дискриминации в России, а скорее указывают на ее структурный характер. Национальные республики решают электоральные задачи Кремля: политический географ Дмитрий Орешкин назвал эти субъекты «электоральными султанатами», так как именно они обеспечивают значительную часть голосов за политиков у власти во время общенациональных выборов. Голоса за действующего президента в республиках обычно превышают 70–80%, что делает их важным источником легитимности для Владимира Путина. Очевидно, что в основном эти голоса — результат откровенного мошенничества и серьезного давления, что отличает эти регионы от других территорий России, где фальсификация результатов голосования распространена гораздо меньше, а процент голосов в поддержку инкубентов намного ниже⁹.

⁹ См. типологию российских регионов по участию в голосовании, предложенную Кириллом Роговым в его тексте «Кто остается за бортом?». Опубликовано в: Григорий Юдин (ред.) Качество политического представительства в современной России. Экспертный доклад. Новгород: Земский съезд, 2021. — 55 с. URL: <<https://zemstvo-russia.ru/report>>

Элиты национальных республик умело используют свое положение важных для Кремля охотников за голосами, способных обеспечить центральной власти высокий уровень поддержки и подавить регионалистские настроения. Так, нередки случаи, когда на избирательные участки на автобусах подвозят организованные группы лояльных избирателей или когда просто подделывают цифры. Именно поэтому национальные республики непропорционально представлены в российских выборных органах: ценный ресурс (голоса и показатели поддержки) они обменивают на материальные выгоды для себя и своего населения. Эта стратегия проще всего объяснить как сбор дани Москвой с квазиколониальных регионов, которые готовы порадовать имперскую столицу цифрами в обмен на деньги.

Та же стратегия использовалась с начала войны, когда добровольцы и призывники стали ценным ресурсом для торговли с Кремлем, и какое-то время она работала, укрепляя авторитет губернаторов. Когда началась мобилизация, Кремль предсказуемо ожидал новых призывников от тех же регионов, чтобы не вербовать слишком много людей в крупных городах. Однако национальные республики оказались истощены поиском добровольцев еще в первые месяцы войны, и дополнительный призыв во время мобилизации стал для них непосильным. Это было воспринято как невыплата дани Москве и вызвало многочисленные протесты.

Последствия этих протестов не стоит переоценивать. Их шансы распространиться за пределы конкретных регионов и превратиться в национальное движение сопротивления были ничтожны, и в итоге протесты были подавлены. Однако нарушение договора с Москвой может иметь долгосрочные последствия. Все регионы субсидируют собственные батальоны в рамках имперской армии, при этом национальные республики отличаются на общем фоне в одном важном отношении: этнической однородности. Хотя на данный момент сепаратизм мало обсуждается, но если республики начнут сомневаться в лояльности центру, то в их распоряжении окажутся этнические подразделения с боевым опытом и сильным недовольством по отношению к Москве.

Чечня Рамзана Кадырова — очевидно, наиболее вероятный пример такого потенциального перефилирования вооруженных сил. Кадыров пользуется беспрецедентной независимостью

в рамках унитарной структуры, и его отношения с Россией можно интерпретировать как личную унию, в которой он служит младшим партнером Владимира Путина. Усиление роли Кадырова в российской публичной политике во время войны однозначно указывает на то, что вклад региона в российскую армию усиливает автономию Кадырова: теперь он не только может публично критиковать российских генералов, но и успешно оказывает общественное давление на Путина в принятии важных военных решений. Поскольку чеченская армия очень слабо интегрирована в структуру российских вооруженных сил, Кадыров сохраняет значительную военную мощь, чтобы претендовать на суверенитет, если того пожелает.

Такой вариант развития событий не ограничивается одним Кадыровым, положение которого в России скорее исключительно. Глава Республики Татарстан Рустам Минниханов также активно субсидирует татарские подразделения российской армии. В отличие от многих других национальных республик, Татарстан — богатый регион, но Минниханов предпочитает не уклоняться от призыва, а использовать мобилизацию для вооружения своих людей. Еще несколько губернаторов пытаются установить личные связи с войсками из своих регионов, хотя в их распоряжении гораздо меньше ресурсов.

Возможные этнические конфликты следует рассматривать с точки зрения перспективы краха империи. По мере роста напряженности между Москвой и ее внутренними колониями бывшие колониальные государства, получившие независимость с распадом Советского Союза, открыто выступают против неоимперской позиции Москвы. Несчастный случай в селе Солоти, где двое граждан Таджикистана, по-видимому, насильно завербованных в российскую армию, отказались участвовать в боевых действиях и расстреляли несколько десятков солдат и офицеров, предположительно, за оскорбление ислама, характерен для нынешнего упадка. В глазах империи и таджики, и татары естественным образом должны быть представлены в имперской армии. Однако бывшие советские республики не согласны с отведенной им ролью, что особенно проявляется в меняющейся политике лидеров стран Центральной Азии по отношению к России. Последуют ли национальные республики их примеру? Начнут ли видеть в своем положении колониальное угнетение и требовать большей независимости? Структурное этническое неравенство способствует такому сценарию.

ПОЧЕМУ ВСЕ ЕЩЕ НЕ РВАНУЛО?

Некоторые экономисты, посетившие Советский Союз в 1980-е годы, быстро меняли свой исследовательский вопрос с «Что может развалить СССР?» на «Почему СССР до сих пор не развалился?». С учетом масштаба дисбалансов в современной российской системе можно задаться вопросом, почему она не рухнет.

Хотя российское правительство последовательно поддерживало имперский проект, чтобы предотвратить критические угрозы, лучше всего работал один инструмент предотвращения раскола — деньги. Сталкиваясь с недовольством со стороны нелояльных групп, Кремль обычно быстро выделяет губернаторам дополнительные средства. Эти инъекции призваны не устранить причину проблемы, а убедить протестующих в том, что проще взять деньги, чем настаивать на реформах. Если убедить не получается — в ход идут репрессии.

Однако в ситуации военного времени денег на тушение пожаров становится меньше. Поскольку экономика страдает от санкций, а военные расходы постоянно растут, ресурсов Кремля становится все меньше, а значит нечем делиться с губернаторами. Многим регионам уже трудно найти ресурсы для оснащения войск, и в ход идут разные решения — вплоть до отмены новогодних мероприятий для экономии бюджета. Хотя в целом российская экономика остается достаточно стабильной, средства, которые обычно направлялись в проблемные точки, сильно ограничены. На данный момент губернаторы получают очень мало помощи для решения новых задач. Потенциальные конфликты, вызванные неравенством, долго оставались скрытыми, но скоро они, вероятно, выйдут на поверхность. Это, в свою очередь, значительно изменит положение и мотивацию губернаторов и местных элит.

ВЫВОДЫ

Понимание главных противоречий российского общества позволяет сделать следующие выводы:

- Российское общество далеко от единства: в нем царит крайнее неравенство, способствующее разобщению;
- Мобилизация это неравенство усугубляет. При отсутствии восторженной поддержки войны дополнительное бремя от ее ведения, скорее всего, приведет к внутренним конфликтам;
- Поляризация общества может усилиться по мере того, как противоречия, до этого устранявшиеся деполитизацией, репрессиями и выплатами, станут более явными;
- В России существует значительный разрыв между поколениями, и война подталкивает молодежь к тому, чтобы требовать политического представительства;
- Важнейшим аспектом экономического неравенства в России являются территориальные различия, в результате чего бремя войны неравномерно распределяется между регионами;
- Давление, вызванное войной, вероятно, усилит межэтническую напряженность, подталкивая национальные республики к большей автономии от правительства с имперскими амбициями;
- Создание воинских формирований, контролируемых и поддерживаемых регионами, несет риск обострения межрегиональной и межэтнической вражды в России;
- Молодые политики, региональные элиты и представители этнических меньшинств — это агенты, которые, вероятно, будут определять будущее России в среднесрочной перспективе.

ОБ АВТОРЕ И РЕДАКТОРЕ СЕРИИ

Григорий Юдин – политический теоретик и социолог, сотрудничающий с различными академическими институтами в России и США. Внес свой вклад в теоретизирование российской политики в рамках современных мировых тенденций, проводил полевые исследования в России и за ее пределами, участвовал в методологических дебатах по изучению и прочтению российского общества. Григорий ведет активную научную деятельность, работает над докладами и программными документами под заказ, а также сотрудничает с крупнейшими СМИ в России и за рубежом.

ВЫХОДНЫЕ ДАННЫЕ

Friedrich-Ebert-Stiftung e.V. (FES)

Годесбергер Але 149
53175 Бонн
Германия

www.russia.fes.de

E-mail: info@fes-russia.org

Ответственный за издание:
Отдел международного сотрудничества,
Российская программа Фонда им. Фридриха
Эберта

Ответственный за содержание и редакцию:
Алексей Юсупов

Мнения, выраженные в данной публикации, могут не совпадать с позицией Фонда им. Фридриха Эберта. Коммерческое использование материалов, опубликованных Фондом, не допускается без его письменного согласия. Публикации FES также не могут быть использованы в целях предвыборных кампаний.

© 2023

АННОТАЦИЯ

Хотя правительство Российской Федерации стремится создать видимость народного единства, среди россиян царит фундаментальная разобщенность, усугубляемая крайним неравенством и растущей поляризацией общества. Война и особенно процессы, связанные с мобилизацией, лишь усиливает разрыв между поколениями, экономическое неравенство, территориальные и этнические различия. Эти линии раскола имеют значительный потенциал для преобразования российского общества и могут стать движущей силой перемен. Война и экономические санкции истощают финансовые ресурсы, необходимые федеральным и местным властям, чтобы поддерживать видимость общественного единства.

Война усугубляет территориальное неравенство в России, причем беднейшие регионы в большей степени страдают от мобилизации и испытывают нехватку ресурсов. От губернаторов требуется обеспечить воинские части призывниками и всем необходимым на фронте, что сказывается на составе российской армии и создает условия для появления региональных армий.непропорционально масштабный призыв представителей этнических меньшинств нарушает соглашение между национальными республиками и центром, что угрожает подорвать имперскую структуру России. Располагая этнически однородными военными подразделениями, местные элиты получают дополнительные рычаги влияния в возможной конфронтации с Москвой.

Давление, вызванное ведением войны, ограничивает возможности правительства скрывать и усмирять проявления неравенства, что создает возможность требовать большей справедливости внутри страны. Можно ожидать, что ряд групп, находящихся в неблагоприятном положении, будет стремиться к политической субъектности по мере дальнейшего ухудшения ситуации. Среди них — молодые политики, региональные элиты и представители этнических меньшинств. На данный момент власть сконцентрирована в руках пожилого политического класса, который принимает имперскую повестку и извлекает выгоду из существующего структурного неравенства. Это, вероятно, приведет к конфликтам, которые могут способствовать политическим переменам и формированию иной политической повестки.